

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 40-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ КОНЧИНЫ АРХИМАНДРИТА ТАВРИОНА (БАТОЗСКОГО)

А. М. Копировский, А. Н. Лепёхина

Архимандрит Таврион (Батозский): к проблеме канонизации

Архимандрит Таврион (Батозский) (1898–1978) — монах и священник Русской православной церкви, годы служения которого пришлись на времена гонений на церковь в СССР. Свидетельства святости его жизни проявились прежде всего в традиционных формах его служения: литургического, проповеднического, пастырского. В то же время его жизнь и служение имели целый ряд особенностей, характерных для исповедания веры и созидания церковной жизни в советский период. Цель настоящей статьи — выделить уникальные стороны служения архим. Тавриона, позволяющие говорить о его святости в контексте «нового мученичества и исповедничества» XX века.

В качестве материалов исследования использовались публикации и расшифровки проповедей архим. Тавриона; его личные воспоминания, письма из ссылок духовным чадам; воспоминания и свидетельства его духовных чад, а также архивные материалы (следственные дела и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: архим. Таврион (Батозский), новые мученики и исповедники XX в., канонизация, критерии канонизации, святость.

Архимандрит Таврион (Батозский) (1898–1978) — священнослужитель Русской православной церкви, проповедник, церковный деятель, оказавший своей проповеднической, литургической и пастырской деятельностью большое влияние на многих людей в 1930–1970-е годы в СССР, в том числе на представителей интеллигенции. Архимандрит Таврион широко почитался церковным народом, в связи с чем уже в 1990-е гг. появились предложения причислить его к лику святых (обращения редакции журнала «Православная община» (православного братства «Сретение») в 1991 г. [*Обращение*], автора сборника «Вся

жизнь — Пасха Христова» свящ. Владимира Вильгерта [*Вильгерт*, 5], конференции в память архим. Тавриона в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете в 2008 г. [*Зайцева*]; свидетельство доктора богословия, профессора МДА, К. Е. Скурата [*Скурат*] и др.).

Однако постановка вопроса о канонизации архим. Тавриона обнаружила следующую коллизию: с одной стороны, архим. Таврион служил Богу и Церкви как традиционно-церковный человек (аскет, исповедник веры, пастырь-духовник), достигнув на этом пути несомненной для большинства тех, кто его знал, святости; с другой — особенностями совершения богослужений и духовной практики он вызывал нарекания у многих священнослужителей, монахов и мирян¹. Рассмотрение этой коллизии связано с проблемой критериев канонизации (т. е. признания церковью святости того или иного человека) в эпоху, наступившую после завершения так называемого константиновского периода [*Булгаков 1921; Булгаков 1965, 342–344, 400–401*], т. е. после завершения эпохи христианской государственности, и существенно, а иногда — радикально отличавшуюся от предыдущей.

Явление святости архимандрита Тавриона в контексте традиционных критериев канонизации

Для свидетельства о святости архим. Тавриона необходимо сопоставить особенности его жизни и служения с традиционными критериями канонизации, принятыми в Русской православной церкви [*Ювеналий, 56–57*].

С ранних лет и в течение всей жизни архим. Таврион (мирское имя — Тихон) тяготел к глубоко аскетическому образу жизни. В детстве он много молился в храме и дома, тянулся к монастырской жизни и уже тогда имел намерение ежедневно участвовать в литургии. В 15 лет Тихон отпросился у родителей и поступил в Глинскую пустынь [*Костина, 12–14*], где окончил миссионерские курсы, а главное — приобрел практику ежедневного чтения Евангелия [*Бычков, 55*].

1. См., напр.: Иоанн (Маслов), архим. Глинская пустынь: История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI–XX вв. М.: Издат. отдел Московского патриархата, 1994. С. 513–514; Каверин Н. Кто добивается канонизации архимандрита Тавриона (Батозского)? // Благодатный

Огонь. 2008. № 9. URL: <http://www.blagogon.ru/articles/246/> (дата обращения: 31.05.2018); Каверин Н. Сверхчастое причащение и обновленчество // Благодатный огонь. 2007. № 16. URL: <http://www.blagogon.ru/articles/144/> (дата обращения: 31.05.2018).

Когда в январе 1920 г. Тихон был призван в ряды Красной армии для отбытия воинской повинности, то на призывном пункте объяснил причину своего отрицательного отношения к воинской службе тем, что, будучи послушником в монастыре, отдал себя на служение только Богу, и большевики его отпустили [*Костина, 17*]. Стремясь как можно скорее вернуться в обитель, на обратном пути он едва не погиб. Этот трагический и вместе с тем чудесный случай спасения от смерти в зимней реке, когда ему пришлось пробыть в ледяной воде четыре с лишним часа, описан о. Таврионом в его кратких воспоминаниях [*Таврион (Батозский) 1991б*].

После пострига монах Таврион прошел все ступени традиционного монашеского пути, стал архимандритом и сподобился особых духовных даров, в том числе даров прозорливости и чудотворения. Большое число свидетельств прозорливости архим. Тавриона относятся к тому, когда в пастырской беседе с человеком он видел его дальнейший жизненный путь [*Копировский*] или в проповеди отвечал на неозвученные вопросы молящихся [*Вильгерт 2001, 101–102*]. Кроме того есть свидетельства о чудесах, совершавшихся по молитвам о. Тавриона при его жизни и по молитве к нему после его кончины [*Вильгерт 2001, 101–102, 104–115*]. Духовные дарования о. Тавриона проявлялись особенно ярко в последнее десятилетие его служения (1969–1978), когда он был духовником небольшого женского монастыря в Латвии — Спасо-Преображенской пустыни под Елгавой.

Став монахом, а затем в 1923 г. — священнослужителем, о. Таврион сразу же попросил и получил благословение на ежедневное служение литургии «идеже прилучится» (т. е. буквально: «там, где получится»), что и было написано на дарованном ему переносном антиминоссе [*Бычков, 92*]. Это благословение он исполнял всю свою жизнь, в течение более пятидесяти лет, во всех ссылках и лагерях, храня антиминос на время арестов и заключения у верных людей [*Костина, 25*].

В общей сложности архим. Таврион провел в тюрьмах, лагерях и ссылках 19 лет², везде продолжая ежедневно совершать ли-

2. При возведении о. Тавриона в сан архимандрита, епископ Павлин поздравил его словами: «Не думай, что это тебе дается за заслуги, это тебе на будущее, потому что о тебе там (имеются в виду власти) так думают, что, я полагаю, ты всю жизнь проведешь в тюрьме» [*Костина, 31*].

В зависимости от того, как считать сроки ссылок и лагерей, пережитых архим. Таврионом, их про-

должительность по данным одних исследователей составляет 19 лет, по данным других — около 26 лет. Если считать по хронологии событий, приведенных в опубликованных исследованиях С. С. Бычкова и В. А. Костиной, общий срок пребывания о. Тавриона в тюрьмах, лагерях и ссылках составит около 19 лет: 1929–1930 гг. — первый арест, тюрьма; 1930–1932 — лагерь, 1940–1948 гг. — вто-

тургию, неся пастырское попечение о заключенных вместе с ним людях (существуют сведения, что он принимал у них исповедь в их предсмертные минуты [Костина, 62]). Архимандрит Таврион вспоминал об этом опыте так: «В какой-нибудь труппе, яме, а литургия совершалась» [Священноисповедник]; часто при этом:

...Храмом и жертвой (здесь — жертвенником) при всех утеснениях служили грудь и сердце (т. е. за неимением престола он совершал литургию на груди, лежа. — А. К., А. Л.), а Чашей — консервная банка [Костина, 171].

Архимандрит Таврион всегда горячо и вдохновенно проповедовал во время богослужений, что вызывало у молящихся огромный духовный подъем³. С особой силой дар проповеди проявился во время его служения в Спасо-Преображенской пустыни под Елгавой. Духовная дочь архим. Тавриона Лидия Лях вспоминала:

Бывало, стоишь на службе, вспоминаешь свое прошлое. Становится стыдно, и думаешь: «Да простит ли Господь содеянное?..» Начинается проповедь, и о. Таврион говорит: «Блудница оmyвает ноги Спасителя, волосами отирает и говорит: “Господи, возлюби любящую Тя и праведно ненавидимую”. Вот картина! Она знала, что Бог есть любовь, она не усомнилась: “Простит ли меня Господь?” “Возлюби меня”, — говорит». Батюшка дал полный ответ на мое сомнение и смущение [Костина, 184]⁴.

Проповеди произносились на каждом богослужении [Вильгерт 2008, 129]; звучавший на них призыв к свидетельству и возвещению слова Божьего был обращен ко всем — как священнослужителям, так и мирянам:

Нам, как христианам, следует всегда трудиться, проповедуя слово Божие. Слово Божие не скрывает от нас того, что мы из себя представляем, и что нам нужно. <...> А поступаем как неверующие! Отрезвитесь! Будем отрезвляться! Особенно в настоящее время, потому что причина неверия, которое мы видим, которое часто близко нас касается, в самих нас лежит.

рой арест, Туринский концлагерь; 1948–1956 — ссылка в Кустанайскую обл., Казахстан. Если рассматривать в том числе период нелегального («катакомбного») служения архим. Тавриона в 1932–1940 гг., то получится около 26 лет.

3. См., напр.: [Вильгерт 2008, 128; Копировский, 10–11; Виктор (Мамонтов) 2001, 43; Литургия, 67; Бибихин, 239].

4. Множество воспоминаний о прозорливости и духовной помощи по молитвам архим. Тавриона собрала В. А. Костина в своей книге «Богом моим пройду стену...»; много таких примеров приводит и С. С. Бычков; они содержатся практически во всех воспоминаниях бывавших в Пустыньке людей.

Посылая учеников на проповедь, Христос сказал: «Идите и проповедуйте Евангелие всей твари». Потом Он говорит: «Вы свет мира, вы соль земли». Вот какой должна быть наша христианская вера и христианская жизнь! [Таврион (Батозский) 2002, 58–59].

Как пастырь, архим. Таврион умел не только утешать, но укреплять и вдохновлять людей: в своих проповедях и личных беседах он «задавал такой внутренний тон, что все постепенно росли и что-то понимали про ответственность за церковь» [Копировский, 11]. По словам архим. Виктора (Мамонтова), его «жажда творить нового человека во Христе встретила с жаждой веры и истины у тех, кто сопротивлялся духу лжи и распада» [Виктор (Мамонтов) 2001, 42].

Еще при жизни архим. Таврион почитался как угодник Божий многими православными людьми из интеллигенции и простого народа⁵. Так вспоминает об архим. Таврионе В. В. Бибихин:

Подвиг Тавриона в том, что его не понять. Он берет на себя тяготу как Святогор тягу земную. В 27 лет архимандрит: «за будущие страдания». Потом немислимо долго, десятилетие за десятилетием, в сибирских лагерях, какое-то время за уборкой трупов. Он давно не в этой жизни [Бибихин, 240–241].

Таким образом, в жизни и служении архим. Тавриона проявились следующие традиционные признаки святости, перечисленные в докладе митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия на Поместном соборе РПЦ 1988 г., в частности:

- истязание за веру Христову;
- чудотворения, совершаемые святым по его молитвам;
- большие заслуги перед Церковью и народом Божиим (возрождение храмовой, приходской и монастырской жизни во время гонений на веру и церковь. — А. К., А. Л.);
- добродетельная, праведная и святая жизнь;
- противостояние за веру даже до крови;
- проявление Богом сверхъестественных знамений и чудес;
- большое почитание его народом... еще при жизни [Ювеналий, 25–26; Георгий (Тертышников), 186–193].

5. См. напр.: [Бибихин, 240–241; Вильгерт 2001, 101–102, 104–115].

Свидетельства святости архимандрита Тавриона вне традиционных критериев канонизации

Особый характер служения архим. Тавриона проявлялся в постоянном собирании церковного народа везде, где архим. Таврион поставлялся на приходское служение. В 1928 г. иеромон. Таврион был назначен настоятелем храма свт. Феодосия Черниговского в Перми, первоначально — храма «тихоновской» ориентации, впоследствии захваченного обновленцами. Добившись возвращения храма патриаршей церкви, архим. Таврион собрал местное рассеянное монашество (в приход съехались бывшие насельники Белогорской мужской и Успенской женской обителей, в результате чего «образовался настоящий монастырь: здесь объединились около 40 монахов и монахинь» [Костина, 35]). Он организовал в приходе богослужения с всенародным пением, ввел частую проповедь, вовлекал прихожан в общинно-приходскую жизнь (был образован церковный совет, помогавший настоятелю; тайная детская церковно-приходская школа, где с согласия родителей шло обучение детей Закону Божию, чтение духовной литературы) [Костина, 30–32]. В результате таких усилий архим. Тавриону удалось сделать освобожденный им от обновленцев храм оплотом православия. Успешная борьба с обновленцами была подлинной причиной его первого ареста в 1929 г., когда он был обвинен в антисоветской агитации. На следствии архим. Таврион заявил: «Предъявленное мне обвинение считаю вымышленным, и признаю его лишь как испытание, чтобы пострадать за Христа-Спасителя»⁶.

В период нелегального («катакомбного») служения в Перми, Усолье, затем в Калуге, выезжая оттуда в Москву, Казань, Пермь, Липецк, Воронежскую область⁷, архим. Таврион постоянно встречался с мирянами и священнослужителями, совершал богослужения в тайных домашних церквях-общинах, а также постриги в монашество и схиму [Костина, 47–60].

В годы служения архим. Тавриона в Спасо-Преображенской пустыни в летние месяцы каждый день собиралось до 150–200 паломников [Вильгерт 2000, 98]. Часто они приезжали из мест, где не было храма или церковной общины. Тогда монастырь, где служил о. Таврион, становился для них местом молитвы и участия

6. ЦА ФСБ. Д. № П-8887. Л. 47 (цит. по: [Бычков, 117]).

7. От освобождения архим. Тавриона из лагеря в 1932 г. до второго ареста в 1940 г.

в таинствах, но главное — духовной школой и возможностью, часто впервые, ощутить Церковь как евхаристическую общину [Виктор (Мамонтов) 2000, 130], в которой собраны «все на одно и то же» (ἐπὶ τὸ αὐτό)⁸.

Приходских священников о. Таврион призывал поддерживать и собирать в первую очередь тех, кто может потом научить других^{*1}, пока невозможно научение всех [Евгений (Румянцев) 2]. По определению свящ. Георгия Кочеткова, архим. Таврион «собирал Церковь в масштабе не приходском и даже не епархиальном, а как бы *общецерковном*» [Литургия, 64].

*1 Ср.: 2 Тим 2:2

По воспоминанию людей, близко знавших архим. Тавриона, он «задумал превратить пустыню в миссионерский монастырь, который бы осуществлял евангелизацию обезбоженного советского общества» [Бычков, 277]. Основой для решения этой задачи он сделал радикальное изменение отношения паломников к евхаристии. Назначение современного монастыря архим. Таврион видел в том, чтобы, прежде всего, служить приходящим в него людям «преподанием Чаши Христовой» [Бычков, 277–278], чтобы восстановить разрушенную в абсолютном большинстве приходов практику регулярного причащения. Это значительно отличалось от бытовавших многие века представлений, в соответствии с которыми монастырь должен быть местом духовного совершенствования его насельников с помощью регламентировавшего их жизнь общего для всех устава и назначенных каждому из них его старцем индивидуальных аскетических упражнений. В одной из своих проповедей архим. Таврион так раскрывал назначение современного монастыря:

Мы вас встречаем, как детей Божиих, и преподаем вам то, что велел нам Господь. А что нам велел Господь? Господь велел нам прощать вам грехи, Господь велел совершать для вас великое таинство. <...> И вот вы, дорогие наши богомольцы, приходите к Чаше Христовой. Эти моменты имеют неизгладимое для вас впечатление. Мы тоже вас принимаем, потому что каждый из вас лично приходит ко мне, рассказывает свои трудности, свои духовные переживания. <...> Это объединяет нас. <...> Мы видим в вас выполнение

8. Ср.: «Древнее церковное сознание знало, что надо быть всегда вместе (κοινῇ πάντες), собранными на одно и то же (ἐπὶ τὸ αὐτό). Мы сейчас почти никогда не бываем все вместе, но каждый за себя и для себя. Преодолеть эту замкнутость не всегда просто и легко, а особенно нелегко выйти на все-

ленские просторы церковной жизни. Но не будем обманываться: подлинные вселенские просторы открываются только в Церкви, а не вне ее. А если в Церкви, то тогда, когда мы “все вместе” собраны на одно и то же, т. е. когда мы собираемся в Церковь» [Афанасьев, 10].

воли Божьей, которая лежит на нас. <...> ...По отношению к вам у нас умиленная истинная благодарность за то усердие ваше, которым мы и существуем. Наше назначение в том, чтобы вам служить. А если не будем служить, то никакого предназначения нашего мы не исполняем. <...> ...На литургии — вы слышите слово Божие и краткое пояснение-напоминание. Этот долг проповеди мы тоже несем. Так мы стараемся взаимно восполнить то, что лежит на каждом из нас [Бычков, 277–278].

Любовь ко Христу и к человеку в обезбоженном мире архим. Таврион переживал очень остро и в ней видел высшую реальность [Бездетко, 51]. По мысли архим. Тавриона, через восстановление регулярного причащения обновляется и возрождается не только каждый верующий христианин, но жизнь Церкви в целом [Бездетко, 92].

Принципиальным моментом собирания людей на евхаристию для него был призыв к причастию за каждой литургией, т. е. фактически ежедневного, всех участвующих в богослужении паломников [Костина, 172]. При этом основной содержательный акцент делался архим. Таврионом не на укреплении личного благочестия каждого из причастников, а на осознании ими ответственности друг за друга, за тех, кто находится вне церкви и даже более — за весь мир, способствуя тем самым «сохранению его бытия» [Вильгерт 2001, 127]. По возвращении из монастыря, многие паломники начинали причащаться регулярно, сознательно и вдохновенно, и сохраняли это вдохновение навсегда.

Архимандрит Таврион всегда являл живой пример отношения к богослужению. Архимандрит Виктор (Мамонтов) отмечает, что во время богослужения архим. Таврион находился в постоянном общении с народом: он, в отличие от традиционного положения священника спиной к народу, почти всегда стоял к нему лицом [Виктор (Мамонтов) 2001, 44]. Во время литургии он, по выражению одного из присутствовавших на ней, «горел, как факел», и желал это выразить — в начале евхаристического канона он переоблачался в красное, как на Пасху [Копировский, 11]. На евхаристическом каноне два хора (монастырский и народный) и весь остальной народ сходились вместе в центре храма, чтобы и петь «едиными устами и единым сердцем» [Копировский, 11]. Так он выявлял и совершал вместе с народом основной принцип евхаристической молитвы Церкви — единства, соборности, полноты собирания — «все на одно и то же» (ἐν τὸ αὐτό), делая это дерзновенно, в свободе, безо всякого страха и оглядок по сторонам,

как может делать человек, в котором «сгорело все, кроме любви» [Лойченко] к Богу и ближнему.

Архимандрит Таврион дерзновенно позволял себе использовать в богослужении русский язык (например, при чтении Писания⁹), а также делать небольшие литургические вставки, которые развивали главные моменты богослужения:

Помолимся за нашу страждущую церковь. Это есть наши усопшие. Помолимся о тех, о ком некому вспомнить. Все вместе поем «Отче наш» [Таврион (Батозский) 2002, 83].

Наступают минуты, когда мы будем петь «Тебе поем...», старайтесь, братья и сестры, петь как один, как одно сердце, как одни уста, открытою верою, уверенною бодростью. Проявим Господу Богу нашему преданность...

— призывал архим. Таврион во время литургии [Виктор (Мамонтов) 2001, 43]. Он призывал молящихся к общему пению, делая их непосредственными участниками совершаемого таинства, помогая им как собранию народа Божьего выразить свою свободу, силу и дух [Таврион (Батозский) 1991а, 5].

Архимандриту Тавриону пришлось пережить противостояние попытке устроения монастырской жизни на новых началах, когда в 1957 г. он был поставлен настоятелем возрождаемой после войны Глинской обители. Тогда он призвал братию направить свои усилия не только на личное спасение, но, прежде всего, на свидетельство и возрождение духовной жизни соотечественников [Бычков, 230]. Архимандрит Таврион осуществил это в большом внимании и усилиях в отношении приема паломников, что во многом изменило привычный ход монастырской жизни: трижды в течение литургии он произносил проповедь, ориентированную прежде всего на паломников; призывал их к ежедневному причастию; вместо строгого партесного богослужебного пения, принятого в Глинской пустыни, ввел более простое, сделав его максимально доступным для понимания и соучастия церковного народа [Бычков, 229]. Возвращение к изначальному богослужебному уставу, призванное поднять молитвенный дух братии монастыря, миссионерская направленность архим. Тавриона и наплыв

9. Например, аудиозапись проповедей из архива СФИ: проповедь на всенощной 06.12.1975; проповедь на литургии на Евангелие 28.01.1976; и др.

народа вызвали напряжение и недовольство братии монастыря: призыв к ежедневному причастию был воспринят ими как «проповедь католицизма» [Бычков, 230]; восстановление изначального устава — как посягательство на отдых монахов после трудового дня или отдохновение для монахов старшего поколения после перенесенных страданий в тюрьмах и лагерях; монастырь воспринимался ими прежде всего как заслуженное пристанище покоя, уединения и сосредоточения на личном спасении [Бычков, 229–231], из «аскетического эгоизма» [Чистяков, 141].

В конце 1950-х — 1970-х гг. деятельность архим. Тавриона в монастыре пришла в противоречие с главным направлением жизни церкви. Размышляя о причинах конфликта в Глинской пустыни во время настоятельства архим. Тавриона¹⁰, С. С. Бычков дает этому конфликту такую оценку:

Те, кто прошел через тюрьмы и лагеря, получили прививку от конформизма. <...> Оказываясь после отбытия наказания вновь в гуще человеческого бытия, «зэка» прикладывает свои мерки ко всему происходящему... <...> Человеку, прошедшему через испытания тюрьмой и лагерем, трудно найти свое место среди людей, не прошедших этот страданный путь [Бычков, 238].

Объяснение своей личной позиции архим. Таврион дал в «Записке о Глинской пустыни» [Таврион (Батозский) 2007, 385–388], в которой писал, что стремился положить «начало нравственного усовершенствования насельников обители, как во внутреннем самоотречении, так и во внешнем благоустройении и распределении труда» [Таврион (Батозский) 2007, 385]. Он обличал многих насельников в «отсутствии усердия и самоотречения», расслабленности в «послушании, чинности, труде и чтении», в противовес ставя добрым примером горячее желание соборной молитвы и духовного труда у паломников [Таврион (Батозский) 2007, 386]. Стремление совершать полунощницу ровно в 12 часов ночи, как это было в дореволюционном уставе обители, архим. Таврион связывал прежде всего с молитвенным погружением в тайну «величайшего явления в мире» — Рождества Спасителя Иисуса Христа и Его Второго пришествия для суда живых и мертвых как Жениха Церкви [Таврион (Батозский) 2007, 385]. Требование верности изначальному уставу архим. Таврион воспринимал как

¹⁰ С марта 1957 г. по январь 1958 г., т. е. меньше года.

«долг нашей благодарности перед нашим православным русским народом, верность нашу православию и ревнование о славе нашей Русской Православной Церкви» [Таврион (Батозский) 2007, 385]. После изгнания архим. Тавриона из Глинской пустыни ему несколько раз пришлось менять места служения, власти не раз снимали его с регистрации за ревностные труды по восстановлению приходских общин и храмов [Костина, 114–115].

Архимандрит Таврион возродил свободную проповедь в условиях ее запрета или искажения, причем на каждом богослужении [Вильгерт 2008, 129], он призывал к свидетельству и проповеди слова Божьего всех — как священнослужителей, так и мирян [Таврион (Батозский) 2002, 58–59]. Спецификой его проповеди стал призыв к покаянию и возрождению человеческого достоинства как «чада Божьего», которое он видел в исполнении человеком своего призвания от Бога:

Ныне христианин забыл о своем великом призвании на земле. Ведь Господь во всем нам велел уподобляться Себе... Одно ваше присутствие в мире должно аромат нести, людей преображать, сеять пример увлекающий [Таврион (Батозский) 1993, 5].

...будем жить жизнью Божией, будем жить, как дети Божии, и, смотря на нас, люди станут так же жить [Таврион (Батозский) 1995, 6].

Это приносило конкретный плод в жизни людей — они начинали миссионерствовать, готовиться к пастырскому служению, получать духовное образование и развивать церковную науку, служить благотворительностью и милосердием, молитвой, принимали иноческие обеты и др., то есть ощущали свою ответственность за Церковь. Среди духовных чад архим. Тавриона — священнослужители, проповедники и пастыри: архим. Виктор (Мамонтов) [Виктор (Мамонтов) 2000, 127–136; Виктор (Мамонтов) 2001, 39–49], игум. Евгений (Румянцев) [Евгений (Румянцев) 2; Евгений (Румянцев) 1], свящ. Георгий Кочетков [Литургия, 61–74], свящ. Владимир Вильгерт [Вильгерт 2000, 90–114], философ В. В. Биbihин [Биbihин, 226–241], искусствовед А. М. Копировский [Копировский, 10–11], церковный историк С. С. Бычков [Бычков] и др.

Уникальным явлением духа свободы и любви в его пастырском служении в 70-е гг. XX в. были:

- обличение не безбожников, а прежде всего «своих»: фарисеев, обрядоверов, формалистов; призыв ко всем христианам не

спасаться индивидуально, а «жить в созидании Церкви Божьей» [Таврион (Батозский) 2002, 61–62];

- наставление человека на путь служения: «сеять пример увлекающий» [Таврион (Батозский) 1993, 5], «жить жизнью Божией» [Таврион (Батозский) 1995, 6], исполняя свое призвание от Бога в личном и личностном церковном служении; причем делать это через личное крестоношение. «Наше гнездышко на кресте!» — парадоксально утверждал он в одной из проповедей [Таврион (Батозский) 1995, 6];

- призыв к постоянной духовной борьбе со злом в сердцах людей, «невидимая брань» [Е. Н., 6–7], при этом под источником зла им понималась не столько «внешняя» советская действительность, сколько сердце человека, стремящегося к греху.

Свое («советское») время архим. Таврион не проклинал, но называл «апостольским», временем свидетельства веры [Таврион (Батозский) 2002, 65–66]. Под действием его проповеди и жизни люди обращались, становились «тем, чем должны быть», приходили «в себя» и ко Христу, становясь сами «святыми» в изначальном, апостольском смысле этого слова, т. е. посвятившими Богу свою жизнь. Из личного свидетельства Сергея Фёдорова:

За время пребывания в монастыре душа просветлялась все более и более. Мне стало казаться, что во мне такой же свет, как и в о. Таврионе. Много давало общение с паломниками — соседями по келье. Были и кандидаты наук, и священники, и старички, и молодежь. <...> Мне приснился ясный сон: Раскрытые царские врата. Я в голубом стихаре стою у иконы Божией Матери на солее. Из алтаря вышел о. Таврион в голубом облачении и, остановившись около меня, спросил, качнув головой: «Ну? Уверовал?!» <...> Я пришел прощаться к о. Тавриону. <...> Сказал, что сюда приехал неверующим человеком, но здесь я получил такой опыт, что стал верующим. О. Таврион сказал мне, что веровать надо так, как верили святые. Благодаря своей вере они имели дерзновение перед Богом и творили чудеса. <...> Мы простились. В Преображенской Пустыни я пробыл одну неделю. Но этот человек перевернул всю мою жизнь [Федоров].

Архимандрит Таврион вдохновлял человека, вводя его в пространство, где Бог был не помощником в житейских трудностях, а Тем, с Кем общаются, перед Кем «ходят» — это давало силы на то, чтобы не просто перетерпеть советскую власть, а жить в полноте церковной жизни даже в условиях богоборчества. По замечанию свящ. Георгия Кочеткова,

О. Таврион был настоящим старцем. <...> О. Таврион был уникален тем, что, пройдя через горнило страшных страданий, при этом никогда не отрываясь от Церкви, всегда выполняя какую-то важную церковную функцию, какое-то служение, являл удивительное внимание к каждому человеку, такое же, как и ко всей Церкви. Поэтому он и был так вдохновлен Евхаристией как таинством Церкви. Он был истинным старцем, судя по той заботе и по тому ощущению воли Божьей о каждом конкретном человеке, которые были не просто жалостью и не просто ответом на тот или иной вопрос о нуждах человека, но именно проявлением старшинства, старчества в Церкви [Кочетков].

Другим признаком подлинного старчества архим. Тавриона о. Георгий называет «постоянную жертвенную открытость к людям», в которой он в то время «не боялся принять любого человека, если он действительно нуждался в беседе и духовном общении» [Кочетков]. Такие люди, как о. Таврион «вырывались из тех оков, в которые их пытались заковать» [Кочетков].

Таким образом, в опыте жизни и служения архим. Тавриона раскрылись явления святости, которые выходят за рамки традиционных критериев канонизации. Отец Таврион может быть поставлен в ряд почитаемых в нашей церкви ее служителей, широко известных в качестве духовных наставников, собирателей церковного народа во времена гонений, создателей в исключительно трудных условиях новых приходов и приходских учреждений, благовестников, исповедников веры (некоторые даже приняли мученическую кончину), таких как архим. Серафим (Тяпочкин) († 1982), прот. Александр Мень († 1990), архим. Иоанн (Крестьянкин) († 2006), прот. Павел Адельгейм († 2013) и др. Вопрос их причисления к лику святых почти всегда может быть рассмотрен также с точки зрения и традиционных, и новых критериев канонизации.

В связи с постановкой вопроса о канонизации архим. Тавриона можно предложить, в порядке обсуждения, ряд новых критериев канонизации:

- 1) Восстановление христоцентричности церковной жизни, проявляющееся в собирании личной и церковной жизни человека и собрания в Евхаристии как таинстве собрания, таинстве благодарения, таинстве братотворения и миро-творения, общино-творения и со-причастия Христу и друг другу, — за каждой Литургией. Где при этом Евхаристия понимается буквально как таинство, совершаемое за «жизнь мира», а не индивидуализированно «для личного (индивидуально понятого) спасения».

2) Восстановление словесности, логичности, диалогичности церковного собрания — через проповедь, молитву на понятном языке, особенно в условиях их запрета или искажения, подмены, когда церковь становится собранием взаимного общения и взаимопонимания, отклика, диалога, рассуждения.

3) Восстановление экклезиоцентричности жизни; собирание церкви и восстановление ее соборности, в том числе как мирное и непримиримое противостояние расколу в церкви и вовне ее, а также — «темным двойникам» церкви.

4) Восстановление антропоцентричности церковной жизни как содействие возрождению и обновлению достоинства людей в духе личного и личностного дара свободы и любви ко Христу, в условиях последствий «антропологической катастрофы» XX в., подавления и разрушения личностного начала в человеке.

5) Восстановление пневмоцентричности жизни церкви как постоянного поиска, отклика и плодоношения на получаемые дары Святого Духа; жизнь в духе любви и свободы.

Эти критерии необходимы как мерило *жизни Церкви верных* — не после их кончины, а при жизни, равно тому, как ап. Павел называл всех верных «призванными святыми»^{*1}. Святой человек помогает, прежде всего, выявить такие качества жизни верных Церкви Небесной, которые проявляют ее *норму*, а не нечто исключительное.

*1 Рим 1:7

Источники и литература

1. *Афанасьев* = Афанасьев Николай, прот. Трапеза Господня. Киев : Храм прп. Агапита Печерского, 2003. 176 с.
2. *Бездетко* = Бездетко Е. Благовестие архимандрита Тавриона // Православная Москва. 1994. № 16. С. 43–51.
3. *Бибихин* = Бибихин В. В. Старец Таврион // Наше положение : Образ настоящего / О. А. Седакова, В. В. Бибихин и др. М.: Изд. гуманитар. литературы, 2000. С. 226–241.
4. *Булгаков 1921* = Булгаков Сергей, прот. На пиру богов : Pro и contra : Современ. диалоги. София : Рос.-Болг. книгоизд-во, 1921. 119 с.
5. *Булгаков 1965* = Булгаков Сергей, прот. Православие : Очерки учения Православной Церкви. Париж : YMCA-Press, 1965. 403 с.
6. *Бычков* = Бычков С. С. Страдный путь архимандрита Тавриона. М. : Тэтис Паблишн : [Sam&Sam], 2007. 462 с.
7. *Виктор (Мамонтов) 2000* = Виктор (Мамонтов), архим. О евхаристическом возрождении // Приход в православии : Материалы Международ-

- ной богословской конференции (Москва, октябрь 1994 г.). М. : Свято-Филаретовская МВПХШ, 2000. С. 127–136.
8. *Виктор (Мамонтов) 2001* = Виктор (Мамонтов), архим. Отец пустыни // Сердце пустыни. М. : Свято-Филаретовская МВПХШ, 2001. С. 39–49.
 9. *Вильгерт 2000* = Вильгерт Владимир, свящ. Воспоминания об отце Таврионе Батозском // Православная община. 2000. № 55. С. 90–114.
 10. *Вильгерт 2001* = Вся жизнь — Пасха Христова. Архимандрит Таврион (Батозский) : Жизнеописание. Воспоминания духовных чад. Проповеди / Сост. В. Вильгерт. М. : Отчий дом, 2001. 206 с.
 11. *Вильгерт 2008* = Вильгерт Владимир, свящ. Новое вино — новые мехи // Христианос : Альманах. 2008. № 17. С. 127–136.
 12. *Георгий (Тертышников)* = Георгий (Тертышников), архим. Критерии канонизации местночтимых святых в Русской Православной Церкви // Альфа и Омега. 1999. № 3 (21). С. 186–193.
 13. *Евгений (Румянцев) 1* = Евгений (Румянцев), игум. Воспоминания об архимандрите Таврионе (Батозском). Часть 1. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/050818105609> (дата обращения 31.05.2018).
 14. *Евгений (Румянцев) 2* = Евгений (Румянцев), игум. Воспоминания об архимандрите Таврионе (Батозском). Часть 2. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/050824125931.htm> (дата обращения: 31.05.2018).
 15. *Е. Н.* = Е. Н. Спасо-Преображенская пустынь, август 1977 г. Из воспоминаний об архимандрите Таврионе // Православная община. 1993. № 1–3 (13–15). С. 6–8.
 16. *Зайцева* = Зайцева Ю. Пора ли канонизировать о.Тавриона (Батозского)? URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=4&id=21220> (дата обращения: 31.05.2018).
 17. *Копировский* = Последний из «могикан» : Воспоминания А. М. Копировского об архимандрите Таврионе (Батозском) // Кифа. 2004. № 9 (24). С. 11.
 18. *Костина* = Костина В. А. «Богом моим пройду стену...» : Подвиг исповедничества архимандрита Тавриона (Батозского). Пермь : [Б. и.], 2010. 374 с. : ил.
 19. *Кочетков* = Сила свободы : Воспоминания свящ. Георгия Кочеткова об архим. Таврионе (Батозском). URL: http://www.psmb.ru/obshchinno_bratskaja_zhizn/u_kogo_mu_uchimsja/statja/sila-svobody (дата обращения: 02.08.2018).
 20. *Литургия* = Литургия отца Тавриона : Беседа со священником Георгием Кочетковым // Христианос : Альманах. 1998. № 7. С. 61–74.
 21. *Лойченко* = Лойченко С. Пусть все сгорит. Кроме любви. URL: <http://www.psmb.ru/aktualnye-temy/usvoen-li-cerkovju-ves-opyt->

- novomuchenikov/statja/pust-vse-sgorit-krome-ljubvi/ (дата обращения: 20.06.2018).
22. *Обращение* = Обращение редакции // Православная община. 1991. № 3. С. 3.
 23. *Священноисповедник* = Священноисповедник архимандрит Таврион. URL: http://www.fatheralexander.org/booklets/russian/starets_tavrion.htm (дата обращения: 04.06.2018).
 24. *Скурат* = Скурат К. Е. Необыкновенное в обыкновенном. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/neobyknovennoe-v-obuyknovennom/#0_10 (дата обращения: 13.08.2018).
 25. *Таврион (Батозский) 1991а* = Таврион (Батозский), архим. Из проповедей // Православная община. 1991. № 2. С. 3–6.
 26. *Таврион (Батозский) 1991б* = Таврион (Батозский), архим. Чудесное избавление от смерти в 1920 году // Православная община. 1991. № 1. С. 53–60.
 27. *Таврион (Батозский) 1993* = Таврион (Батозский), архим. Из проповедей // Православная община. 1993. № 1–3 (13–15). С. 3–6.
 28. *Таврион (Батозский) 1995* = Таврион (Батозский), архим. Слово на всенощной в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы // Православная община. 1995. № 26. С. 3–6.
 29. *Таврион (Батозский) 2002* = Таврион (Батозский), архим. Наше назначение в том, чтобы Вам служить // Три праведника рассказывают об основных Таинствах Православия / Сост. С. С. Бычков. М. : Sam & Sam, 2002. С. 5–92.
 30. *Таврион (Батозский) 2007* = Таврион (Батозский), архим. Записка о Глинской пустыни // С. С. Бычков. Страдный путь архимандрита Тавриона. М. : Тэтис Паблишн : [Sam&Sam], 2007. С. 385–388.
 31. *Фёдоров* = Фёдоров С. Встреча с архим. Таврионом (Батозским), 1978 год. URL: <http://www.proza.ru/2009/01/06/314> (дата обращения: 14.06.2018).
 32. *Чистяков* = Чистяков П. «Мир спасает Чаша»: опыт служения архимандрита Тавриона // Христианос : Альманах. 2008. XVII. С. 137–148.
 33. *Ювеналий* = Ювеналий (Поярков), митр. О канонизации святых в Русской Православной Церкви : Доклад на Освященном Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси : Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня 1988 года // Канонизация святых в XX веке. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 1999. С. 21–73.

ON THE 120TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH AND ON THE 40TH
ANNIVERSARY OF THE PASSING OF ARCHIMANDRITE TAVRION (BATOZSKY)

A. M. Kopirovsky, A. N. Lepyokhina

Archimandrite Tavrion (Batozsky): On the Issue of Canonisation

Archimandrite Tavrion (Batozsky) (1898–1978) was a monastic clergyman of the Russian Orthodox Church whose years of service fell within the period of persecution against the church in the USSR. The holiness of his life was primarily manifested in the traditional forms of his liturgical, preaching and pastoral ministry. Along with this, his life and ministry had several features characteristic of professing faith and building church life during the Soviet period. The article aims at highlighting the unique aspects of Archimandrite Tavrion's service as the signs of his holiness in terms of the "new martyrdom and confession" in the XX century.

The study is based on various sources such as the publications and transcripts of Archimandrite Tavrion's sermons, his personal memories and letters from exile to his flock, the memories and testimonies of his spiritual children, archive records (investigation files, etc.).

KEYWORDS: Archimandrite Tavrion (Batozsky), new martyrs and confessors of the XX century, canonisation, criteria of canonisation, holiness.